

После обеда Минлань села в мягкое переносное кресло и совершила поездку по поместью хоу.

Весна — это время, когда все зелено, пышно, и великолепно цветет. Яркие цветы во дворе за ночь опали, и большинство из них было втоптанно в грязь в отчаянии прошедшей ночи. Хотя мощёные голубым камнем дорожки много раз промылись водой, все еще было несколько мест, где виднелись темно-красные пятна, особенно в саду Косян. Люди умерли внутри и снаружи покоев, и несколько робких служанок не осмеливались заходить туда, убегая в слезах. Минлань нелегко было заставить изменить решение, она планировала перевести Жун в другое место жительство, неподалеку от сада Косян, но после событий ночи изменила мнение и решила использовать другие покои.

Худшее еще было впереди.

Красные лаковые ворота толщиной почти в полфута медленно открывались, с пронзительным скрипом золота и железа. Минлань медленно осмотрела стены и ступени, сверху вниз лилось масло, которое, остыв, застыло и теперь местами выглядело как обугленные черные комки. Несмотря на то что стены были очищены, от них все еще исходил ужасающий смрад.

На земле валялось несколько стволов толщиной с чашу, и Минлань не знала, откуда воры их принесли. Более половины больших медных гвоздей на фасаде было сбито, и они были разбросаны повсюду.

— К счастью, тогда они не были позолочены, и их все еще можно использовать после переплавки, — пробормотала Ляо Юн.

Минлань хотела нервно рассмеяться, но не могла.

Вернувшись в свои покои, она легла на кровать, и, словно в трансе, смотрела на постепенно желтеющее небо. Ей было душно.

Перед ужином Ту Ху вернулся в поместье и опустился на колени перед Минлань, не входя в покои. Он остановился на крыльце за занавеской. Его лицо было крайне уродливым, как будто ему только что наставили рога.

— В наших рядах был изменник. Я был недостаточно строг! Пожалуйста, накажите меня, главная госпожа.

Он привел несколько охранников в дом Хан Сан, чтобы обыскать его, и нашел два недавно переданных документа на землю и сто лян золотом — Ту Ху был так зол, что хотел порубить

людей в мясной паштет.

Минлань была слегка поражена:

— Разве ты замешан в этом?

Хотя Хан Сан присоединилась к врагам, все те, кто подчинялись братьям Ту, были достаточно хороши.

— Нет, — грустно сказал Ту Ху. — Я просто ошибся в человеке, приняв к нам. Я обязательно сведу счеты позже.

— Это хорошо, — устало кивнула Минлань. — Ты должен сражаться и убивать, и ты сможешь принять решение, когда хоу вернется.

Постоянно иметь дело с такими вещами было слишком утомительно для кого-то вроде нее, кто верил в мирный, непринужденный образ жизни. Она также утешила Ту Ху несколькими словами. В любом случае, этот агент под прикрытием явно провалился, так что не стоит чрезмерно раздражаться.

На третий день, хотя военное положение еще не было снято, атмосфера явно разрядилась, и многие нетерпеливые семьи тайно прислали слуг для обмена новостями. Первое письмо было от семьи гун Ина, в котором снова спрашивалось, все ли в порядке, а также говорилось, что если Минлань не хватает рабочей силы, будь то лекарь или охранник или те, кто могут приготовить отвар для лечения ран, ей нужно просто попросить и госпожа Чжан пришлет людей. После произошедшего ночью приготовленные ранее вещи оказались совершенно бесполезными.

Минлань была тронута, неудивительно, что госпожа Чжан всегда была одной из лучших фигур в кругу знати в столице за последние несколько десятилетий. Наблюдая за ее действиями, можно понять, что она действительно смелая и щедрая. Вскоре после этого она получила письмо от дочери этой внушительной фигуры. Это была короткая записка, написанная грубым почерком, полным гнева.

Позавчера ночью в особняке Шень Цунсина не было мирно, но на самом деле это было простое ограбление — «Госпожа Чжан провела почти двадцать лет своей жизни, хвастаясь своим именем и репутацией, не должно быть никого, кто осмелился бы погладить тигра по бороде, я уж никак не ожидала, что накануне вечером случится катастрофа!»

Чжан Ши была действительно хорошо осведомлена, она никогда не думала, что в один прекрасный день какие-то воры осмелятся взломать ее ворота! После долгой депрессии она осознала, что настоящая фамилия этой семьи была Шень, а не Чжан. Другими словами, хоть ее отец и был известен тем, что потерпел поражение, до сих пор не найдется карманника, который посмеет выйти на дело в радиусе десяти ли от дома гун Ина.

В письме говорилось, что нет внутреннего предателя, который мог бы привлечь внешних воров. Первопричина была в том, что Цзоу Ши создала проблемы, показывая свое богатство снаружи.

— Что наложница Цзоу делала снаружи? — спросила Минлань.

У мальчика, пришедшего передать письмо, тоже было несчастное выражение лица:

—...Группа людей наложницы Цзоу с черными сердцами сказали, что Шень Цунсин был серьезно ранен. Если случится худшее, его сын в мгновение ока унаследует титул и станет главой семьи. Теперь ей нет нужды слушаться во всем. Если муж умирает, все должны слушаться старшего сына, и его фамилия не Чжан, что она посмеет сделать? — он вздохнул. — После допроса слуг наша главная госпожа была очень зла.

Глупость Цзоу Ши привлекла внимание местных хулиганов и гангстеров, которым это было интересно. Подружившись друг с другом, они узнали правду о внутреннем доме семьи Шень. Теперь, воспользовавшись беспорядками в столице, они использовали имя семьи Цзоу, чтобы обманом заставить наложницу Цзоу покинуть дом в темноте. Задняя дверь поместья была взломана и часть покоев разграблена, а часть слуг убита.

К счастью, Чжан Ши была начеку и, услышав новость, она поспешно отправила охранников, чтобы убить воров. Как обычные воры могут победить отважного солдата, обученного семьей гун Ина?

Чжан Ши накопила много охраны — скажем, эти приготовления изначально были к более серьезному и масштабному политическому преследованию. Так что все прошло хорошо!

Она лично застрелила и ранила нескольких воров из лука. Двое отважных воров были схвачены, когда нашли комнату, полную женщин и детей. Они по-прежнему были наглыми и угрожали нецензурной бранью.

Чжан Ши была очень рассержена, не говоря ни слова, она отрезала уши двум разбойникам несколькими взмахами меча, бросила их на землю и скормила черному мастифу.

Мальчик рассказывал это с гордым лицом, Минлань чувствовала тоже самое, но не подавала виду.

С тех пор все члены семьи Шень ходили на цыпочках, когда видели Чжан Ши, та также жила очень достойной жизнью в течение следующих нескольких десятилетий.

Кроме того, семья Дуань, семья Чжун и из семьи семьи Ген не вернулись домой из дворца, и причины этого были до сих пор неизвестны. Слуги, ушедшие к семье Бо и семье Фу, наконец получили ответ, и все они подверглись нападению по дороге, оказались в ловушке в частном доме и не спешили возвращаться с докладом, пока военное положение не было ослаблено.

Цзюнь сказал, что с двумя семьями все было в порядке, особенно с семьей Бо, чьи члены семьи женского пола рано отправились в сельскую местность с госпожой Бо.

Письмо из особняка Шен было самым толстым, Чанфен написал кистью более дюжины страниц. Минлань терпеливо читала его письмо не могла не жаловаться на то, что «третий брат силен в письме». На самом деле, процесс был очень простым.

Шен Хун, как обычно, сходил на работу и обратно. Съев тарелку риса и половину жареного цыпленка, он начал проверять домашнее задание Чанфена. Прежде чем оно было проверено, снаружи начался хаос.

В связи с военным положением в столице, Шен Хун был вынужден два дня оставаться без работы. Это относилось к большинству государственных служащих, можно было только сказать, что по сравнению с восстанием в прошлый раз, сместилась зона наиболее сильного удара.

Простое письмо из дома, без серьезных проблем и, в принципе, без мелких проблем, но оно полно великолепной риторики и изысканных рифм. Просто оплакивая нестабильность текущей ситуации, используются сразу три аллюзии. Все они были придуманы лично Чанфеном и с точки зрения Минлань выглядели как полная чушь.

У Туаня изначально были открытые и круглые глаза, и он отказывался спать, как бы Минлань его ни уговаривала. Однако Минлань рассказала сыну о своих убеждениях, а затем прочитала ему полторы страницы письма Чанфена и маленький толстяк уснул, опустив голову.

— Я не жду, что ты будешь больше учиться. С этого момента я буду ждать от тебя таких же успехов в боевых искусствах, как у твоего отца, — Минлань коснулась пухлых рук и ног сына, легла рядом с ним и уснула.

Новости от семьи Чжэн пришли поздно, и им не поверили, пока не пришло время зажечь лампы, но это было хуже, чем новости о грабителях в особняке Шень Цунсина.

Молодой слуга, захлебываясь в рыданиях, сказал:

—...Пожилой господин ушел позавчера, а сегодня утром и пожилая госпожа... тоже ушла.

В течение трех дней оба старейшины умерли от болезни?!

Минлань была очень потрясена.

— То ты говоришь? Она такая хорошая, как ты можешь говорить, что её больше нет...

Она хотела спросить, что случилось, но госпожа Чжэн была строга в управлении семьей, и мальчик просто покачал головой, и больше не сказал ничего.

—...На протяжении многих лет пожилой господин и госпожа никогда не переставали болеть... Старшая госпожа отправила сообщение, что она и вторая невестка не могут сейчас уделить время госпоже Гу, поэтому они обсудят это с вами позже.

Увидев, что молодой слуга обильно вспотел и задыхался от истощения, но все еще правильно говорил и вел себя правильно, Минлань восхитилась способностями госпожи Чжэн и попросила Люйчжи взять горсть медных монет, чтобы вознаградить его, а затем попросила кого-нибудь проводить его.

Старшая служанка Цуй смотрела, как фигура исчезает за дверью.

— Главная госпожа, это неправильно, — сказала она. — Несколько дней назад мы отправили фруктовое вино, сваренное на зиму, в дом Чжэн. Пожилая чета Чжэн была в порядке? Как говорится в старой поговорке, будьте осторожны, кости истончаются, когда вы стареете, но... это... я ничего не могу сказать.

Минлань понимала, что она имеет в виду. Чем больше старый человек болеет в течение многих лет, тем меньше шансов, что он умрёт быстро. Вероятнее всего, он будет мучиться перед смертью. Эти смерти выглядели странно.

Долго думая об этом, она не могла понять, почему это произошло. Минлань ненавидела отсутствие воображения и всю ночь в замешательстве обнимала подушку, но на следующее утро кто-то подошел к двери, чтобы объяснить ей. Это была настоящая путаница.

На госпоже Лю было наполовину потертая темно-золотистая накидка, ханьфу цвета охры с узором в виде колец, на её лбу была тонкая темно-красная бархатная повязка с крупной бусиной посередине, на её лице был толстый слой пудры, в виски были вставлены маленькие красные цветы, это было больше похоже на версию госпожи Лю, которая на старости лет развернулась и разбогатела в новом обществе.

В это время Минлань завтракала, поэтому она небрежно поприветствовала ее, и пригласила поесть с ней, госпожа Лю просто согласилась, взяла палочки для еды и поела.

Она, казалось, была в очень хорошем настроении, хваля за едой:

— Еда моей сестры такая изысканная, тск-тск, этот суп из клейкого риса вкусный... Что в нем за ингредиенты? Ой сестра родилась такой красивой, этот маслянистый фрукт очень вкусный и так красиво зажарен... где можно узнать рецепт?..

Минлань отчаянно нуждалась в метафоре, дернула уголками рта и сказала с сухой улыбкой:

— Где, где... Это всё рецепты, переданные из прошлого. Передаются из поколения в поколение. Есть несколько уникальных блюд, пользующихся популярностью. Если моей сестре это так нравится, я пришлю кого-нибудь завтра с копией.

— Не стоит, не стоит, — госпожа Лю быстро махнула рукой и улыбнулась. — Честно говоря, ни стар, ни млад в нашей семье не привыкли к столичной еде. Несколько дней назад муж пригласил повара из Сычуаня. То, что я только что сказала, не принимай близко к сердцу. Когда я была молода, бабушка сказала, что когда ты приходишь к кому-то в дом, ты должна больше хвалить хозяина.

Затем она некоторое время разговаривала сама с собой, вспоминая прошлое.

Минлань открыла рот, затем снова закрыла.

Госпожа Лю не просто продолжала ворчать, после еды она вытерла рот и руки, и, прежде чем Минлань успела задать какие-либо вопросы, она сказала:

— Муж вернулся прошлой ночью, и он был весь в крови. Я ничего не говорила, чтобы не напугать тебя и ты могла спокойно поесть... муж много чего рассказал мне и сказал объяснить все тебе сегодня, чтобы ты могла расслабиться и чувствовать себя в безопасности. Ну... С чего мне начать?... Я не знаю. Сестра, что ты хочешь спросить в первую очередь?

Конечно, если Гу Тинвей мертв, поместье хоу будет в безопасности, а со старой ведьмой, пожилой госпожой Цинь, будет покончено — как же ей будет жаль! Ведь это древние времена, Минлань — господа первого ранга, получившая титул от императорского двора!

Минлань подавилась словами, несколько раз засмеялась и сказала:

— Конечно, я хочу узнать: император и императрица теперь в безопасности? Как придворную, меня беспокоит это больше всего.

— Сестра действительно верна и предана императору, — госпожа Лю казалась очень тронутой.

Растроганная, она начала петь дифирамбы императору, чтобы показать свою политическую сознательность.

—...Эти клоуны, которые и в будние дни подлые и думают, что они умнее всех, не знают, что наш император — как древний... тот... редкостной мудрости правитель, спустившийся на землю со звезды, и уже давно ясно видел все эти вещи. Но ради покойного императора он хотел проявить некоторую привязанность к вдовствующей императрице Шен Де и принцу Жуй, кто же знал...

— Это действительно связано с вдовствующей императрицей Шен Де? — осторожно спросила

Минлань.

— Сестра думала, что кто-то, у кого есть мужество и честолюбие, осмелился издать императорский указ, чтобы обмануть семью министра и проникнуть во дворец, не так ли? — спросила госпожа Лю, потёрла пересохшие глаза с таким видом, будто оплакивала случившееся ночи напролет. — О, Его Величество, что за добрый сын Неба. Вдовствующая императрица Шен Де не родная мать императора, также она не была повышена до императрицы при жизни покойного императора. Но наш император послушный почтительный сын, внимательный...

Минлань была глубоко убеждена, что последнее предложение не слишком уместно, но трудно было разговаривать с людьми, которые вели себя как фанатики.

— Дарила девушек в качестве подношения, но всё ещё была недостаточно удовлетворена! Ей нужно ещё и покуситься на трон Его Величества! Что эта наложница Жун... действительно люди с волчьим сердцем! Спасибо генералу Чжэну за верность, иначе у нашего императора были бы проблемы...

Затем госпожа Лю говорила около получаса, половина её слов была восхвалениями. Сяотао сменила два чайника чая, а Люйчжи принесла три закуски. Прежде, чем она смогла, наконец, дать общее представление об инциденте.

На самом деле, Минлань рассудила, что хотя у группы вдовствующей императрицы Шен Де были скрытые мотивы, император, которого все любили, который был верным и почтительным, любил людей и чтит небеса, на самом деле не мог быть чистым и невинным, как маленький ягнёнок.

За последние несколько лет, по мере усиления имперской фракции (Чжан, Чэнь, Гу, Чжэн, Дуань, Лю и др.), император действовал более агрессивно, не жалея сил для ослабления команды вдовствующей императрицы Шен Де. Среди государственных служащих есть либо те, кто верен императору во главе с господином Яо Гэ, либо такие, как Цзоу Гэ, ушедшие на пенсию и притворяющиеся глупцами.

Среди немногих старых министров, которые заботились о жизни перед ложем покойного императора, те, кто отчаянно выступал за то, чтобы император был почтителен к вдовствующей императрице Шен де, были по исключены из списка министров за проступки или «обвинены в старости» в последние несколько лет.

Что касается министров третьего и четвертого рангов и ниже... Принц Жуй молод, поэтому трудно сказать, насколько он способен править, а молодых и сильных членов кабинета министров, готовых принять участие в сомнительных действиях и окунуться в мутную воду не так уж и много. Битва за трон неблагоприятное дело.

Видя, что трон нынешнего императора становится все более и более прочным, а его сыновья вырастают, вдовствующая императрица Шен Де тревожилась, на её душе скреблись кошки, и

она чувствовала себя неловко.

Вдовствующая императрица Шен Де хотела сделать ход, но не нашла удобного случая, поэтому не решилась на это; император знал, что у них коварные намерения, но не мог взять на себя инициативу для нападения, из-за боязни получить дурную славу за то, что не служил своей приемной матери и не заботился о племяннике.

Две фракции зашли в тупик — как и в цивилизованном обществе, когда обе страны хотят разобраться друг с другом, но ни одна из них не хочет иметь дурную славу разжигателей войн, поэтому они продолжают дразнить друг друга, молиться Богу и Будде, надеясь, что другая сторона выстрелит первой.

В прошлом году император почувствовал, что у него подавляющее преимущество, и больше не мог этого выносить.

Итак, он устроил игру с одним выстрелом.

Минлань до сих пор помнила, как несколько лет назад, когда новый император унаследовал трон, Цзеню грабили на юге, и, хотя они в конце концов были отброшены, они всё же заняли несколько северо-западных приграничных городов. После нескольких лет напряженной работы император, наконец организовал войско для атаки и напал на них — это была первая птица.

Армия двигалась на запад, столица была пуста, это и есть прекрасный «хороший повод» для бунта. Преступники готовы двигаться, и они могли выманить змею из норы — это была вторая птица.

Вдовствующая императрица Шен Де родилась в знатной семье на северо-западе. На протяжении десятилетий ее семья была тесно переплетена с властью в этом регионе, ее родственники были разбросаны повсюду, и они часто контролировали вооруженные силы и правительство северо-запада (именно эта группа людей активно распространяла вест о поражении армии гун Ина). Император тайно приказал старому генералу Бо притвориться раненым, и победить врага, обманув его. Главным было захватить эту область и вернуть там контроль императорской семьи. Если вдовствующая императрица Шен Де не сможет сдержаться, будет прекрасно, император воспользуется случаем и избавится от этой большой проблемы на северо-западе одним махом. Это была третья птица.

Говорили, что есть еще несколько маленьких птичек, но госпожа Лю не могла сказать, что это было, и Минлань тоже не могла догадаться.

— Его Величество слишком рисковал, вся армия отбыла... Что, если...что-то бы пошло не так?..

Ставя по-крупному, конечно, можно было много выиграть, но если Бог-покровитель игрока не защитит его, легко потеряешь даже нижнее белье.

— Кто наш император? Это настоящий дракон, спустившийся на землю... — госпожа Лю снова с энтузиазмом принялась восхвалять гениальность и доблесть императора. Прежде чем открыть правду, император тайно приказал генералу Чжэну стать посредником и прийти на помощь, пока Лю Чженцзе будет следить за ситуацией как внутри, так и снаружи.

Военная власть в столице разделена на три части: одна — запретная армия Лю Чженцзе, другая — имперский указ, которым совместно владеют генерал Чжэн и еще один генерал, а третья — дивизия Учэн Бинма. Чтобы бунтовать, нужно спровоцировать хотя бы одного из трех.

Среди трех групп людей, за исключением генерала Чжэна, все другие командиры были генералами из скромных семей, назначенными самим императором. Когда приспешники принца Жуй, которые также были потомками аристократической семьи, выступили в игру, генерал Чжэн сделал вид, что согласен с ними и приготовился ждать, пока не произойдет инцидент. Одним махом хороший парень поймал всех паршивцев.

Надо сказать, что миссия генерала Чжэна была выполнена очень хорошо — обычно зрелый и благоразумный человек притворяется убедительно, поэтому до этого момента дело шло очень гладко.

Но Минлань не ожидала, что не только император знал о размещении шпиона во вражеском стане, но и другая сторона знала об этом, поэтому, по сути, выстрел совершили обе стороны одновременно.

Утром в день инцидента, после того как император, как обычно, отправился в суд, он внезапно упал вниз головой и потерял сознание.

— Это сделала наложница Жун?! — глаза Минлань были похожи на медные колокольчики. — Император так любил её!

Отношения между двумя вдовствующими императрицами и императрицей поначалу были неплохими, но из-за них нынешняя императрица несколько раз оказывалась в неловких ситуациях.

— Эта девка такая хитрая! Все наложницы в мире нехорошие люди! — с горечью сказала госпожа Лю.

— Мой муж сказал, что это вдовствующая императрица Шен Де солгала наложнице Жун, сказав, что, кроме первого и второго принцев, сын наложницы Жун был самым старшим, поэтому он унаследует трон после смерти императора — ба-а! Никто не говорил, что император действительно умер, но вдовствующая императрица Шен Де сделала всё, чтобы возложить вину за убийство императора на наложницу Жун. В итоге третий принц стал бы великим сокровищем!

— Неужели наложница Жун поверила в такую чепуху?! — Минлань чувствовала себя

невероятно странно. Когда она пошла во дворец, чтобы увидеть ее в прошлом, она подумала, что у наложницы Жун высокий IQ.

— Вот так вот, — госпожа Лю громко усмехнулась. — Какие могут быть мозги у лисицы, которая только и может, что служить мужчине? С другой стороны, отношения очень тонкая вещь... Но третий принц часто выражает ей почтение, и ей это очень нравится. Кроме того, разве наложница Жун не в ссоре с императрицей?

Минлань молчала. Хотя императрица была щедра, она не тот человек, который может притворяться добродетельным. Наложница Жун высокомерна по натуре и имеет высокое происхождение. На протяжении многих лет она постоянно пользовалась благосклонностью, и с обещанием третьего принца, центр внимания мог бы сместиться с двух старших принцев. Если есть разногласия, императрица иногда должна пойти на компромисс, чтобы обсудить их.

Страх и жадность — самая простая и эффективная приманка.

— Тогда что сейчас? Тело императора в добром здравии? — Минлань знала, что император в этот момент сделает всё, чтобы быть в безопасности, но она всё ещё не могла сдержать свой страх.

Госпожа Лю сцепила руки и несколько раз поклонилась ей:

— О, мой Будда... Благодаря великому благословию нашего императора, он в порядке. Он провел всю ночь, просматривая бумаги, поэтому в то утро ему было немного не по себе. Обычно он любит поесть, но в тот раз выпил лишь два глотка чая и лишился чувств от голода и усталости. У Небес есть глаза...

Она тайно ругала восемнадцать поколений предков наложницы Жун и её саму все время. Если император падет, у таких генералов, как Гу и Дуань, может быть шанс выжить, но ее муж начинал как секретный агент внутренней охраны. Его бы не оставили в живых, как и его семью, это было бы невероятное невезение!

Минлань также молча отдала дань уважения пустоте.

Не только внутренний дворец, но и семья вдовствующей императрицы Шен Де также приложили немало усилий, чтобы спровоцировать восстание Тэн Ангоу, заместителя главнокомандующего дивизии Учэн Бинма.

Минлань моргнула, и перед ее глазами появился человек почти пятидесяти лет с мрачными глазами.

Госпожа Лю сделала вид, что плюнула и пренебрежительно сказала:

— Этот человек! Кстати говоря, он старше императора. У него нет навыков, но он любит хвастаться своим старшинством. Приехав в столицу, он пожаловался, что Его Величество сделал недостаточно, чтобы использовать его! Наш император добрый, в противном случае, кто заботился бы о нём после таких слов!

Минлань молча вздохнула.

Шень Цунсин и другие молодые и сильные генералы, конечно, есть, но они всё ещё только вносят свой вклад в благополучие страны. Тэн Ангоу поначалу обижался, и, видя, что появляется все больше и больше возможностей для продвижения вперед, и молодые используют их, нервничал. То, что он задумается о восстании, было неизбежно.

После того как мятежники вступили в сговор, Тэн Ангоу воспользовался своей властью, чтобы впустить в город множество повстанцев в костюмах Цзянху одного за другим; вскоре после этого Лю Чженцзе заметил, что что-то не так, и отправился допросить Доу Лаоси, главнокомандующего.

Как только Доу Лаоси узнал о восстании, он был зарезан по дороге домой. Чтобы Лю Чженцзе не узнал об этом, повстанцам пришлось немедленно атаковать, и они продолжали пытаться избавиться от Лю Чженцзе.

Таким образом, внутри находилась наложница Жун, а снаружи Тэн Ангоу. Генерал Чжэн, который должен был «восстал» вместе с ними, был ошеломлен.

Было решено, что те, кто внутри дворца, должны сотрудничать с теми, кто ввне, чтобы поймать всех за один раз.

Наконец, император заранее тщательно подготовился, и, в сочетании бдительности с интригами и решительными действиями генерала Чжэн, он дал отпор в критический момент. Сначала он захватил вдовствующую императрицу Шен Де, наложницу Жун и её сына, затем объединил силы с Лю Чженцзе, чтобы победить мятежников, потерявших опору.

— Слава Богу, теперь наконец-то на улицах мир! Муж уже отменил военное положение, — госпожа Лю не забыла похвалить достоинства своего мужа. — Сестра, не волнуйтесь, мой муж сказал, что донесение о военных делах было доставлено прошлой ночью, гонец проехал восемьсот ли без остановки. Армия гун Ина в порядке, и они разбили золотой шатер врага! Теперь они мчатся обратно в столицу, чтобы положить конец хаосу. Муж сказал, что такое это называется... что-то враг...

— Заманивание врага, — спокойно сказала Минлань. Почему-то казалось, что она уже знала это.

Госпожа Лю похлопала себя по ногам и рассмеялась:

— Да! Это для того, чтобы заманить врага.

Для того чтобы происходящее казалось реалистичным, когда «пришло известие» о пропаже армии гун Ина, император, несмотря на то, что это было спланировано, мог только притвориться, что поверил, и переживать вместе со всеми.

Актерское мастерство было на высоте, а гражданские и военные чиновники двора обмануты, из-за этого вдовствующая императрица Шен Де чувствовала себя более непринужденно и уверенно.

Увидев спокойное выражение лица Минлань, госпожа Лю немного встревожилась, она ясно помнила, что когда впервые увидела Минлань, она была нежной и красивой, как свежий фрукт, и беззаботной, как ребенок. Но сейчас? Беременная женщина перед ней вот-вот должна была родить, в ней, казалось, не было крови, она выглядела исхудавшей, а между бровями читалось невыразимое изнеможение.

— Сестра, не вините своего мужа. Даже мой муж не знал об этом деле заранее, что показывает, насколько хорошо император держал это в секрете. Муж сказал, что во всём виноваты все эти вонючие чиновники на северо-западе. Сообщение о поражении армии — их рук дело. Иначе, учитывая расстояние, как подобная весть могла прийти столь быстро и также быстро распространиться по городу? Хорошая новость о великой победе вскоре не заставит себя ждать! Не верьте больше ложным слухам, сестрица.

Минлань осторожно расправила ладони в рукавах, ладони были влажными и холодными, она сидела неподвижно и улыбалась.

— Мне не на что жаловаться. Даже если мой муж знал, он не сказал бы мне, ведь сначала государственные дела, а после уже дела семейные. Давайте поговорим об этом... Сестра, вы должны рассказать мне о нападении на наше поместье той ночью.

— Ох, что с моими мозгами! — госпожа Лю улыбнулась и погладила себя по лбу, затем понизила голос. — Сестра, вы правильно догадались. Это был ваш третий господин, Гу Тинвей, он пришел навредить вашему дому той ночью!

Минлань взволнованно открыла глаза и приняла обеспокоенный вид, несмотря на то что внутренне была спокойна:

— Сестра, то, что вы сказали, действительно правда? В конце концов, третий господин — член семьи Гу, и всего несколько слуг сказали, что видели его, но как я могла поверить в это!

Госпожа Лю понимала, что в это трудно поверить, поэтому сказала:

— Мой муж занимался этим делом, сестра, не волнуйся. Позавчера еще до рассвета он послал

сюда людей, которые догнали убегающих воров. Кто-то, конечно, успел сбежать за город, но многих поймали и допросили...

— Третий господин был пойман на месте?! — прижав руку к груди, воскликнула Минлань.

— Не совсем так, — госпожа Лю была смущена.

Минлань была немного разочарована.

— Тогда господин Лю, должно быть, нашёл что-то еще, — попыталась утешиться она, подталкивая собеседницу к рассказу.

Госпожа Лю вздохнула с облегчением и поспешно сказала:

— Муж допрашивал пойманных несколько раз, и в итоге сломил их всех. Несколько воров рассказали, что изначально они были бандитами за пределами города, и они согласились на сделку два месяца назад. К ним пришёл старик, который попросил их присоединиться к «выгодному дельцу», а затем он привёл их ночью к вашему поместью, и оказалось, что на самом деле заказчиком был молодой господин. Воры слышали, что их босс называл его «Третий господин». И подробно описали его внешность. Муж немедленно привел людей, чтобы проверить поместье, где сейчас живёт ваша пожилая госпожа. Они окружили его, и оказалось, что третьего господина действительно нет дома. Управляющий Лу был пойман в одном из подвалов. Оказалось, что это тот самый старик, который был связующим звеном!

Минлань на мгновение задумалась.

— Значит, наш третий господин просто грабит дома, а не замышляет что-то против нас? — спросила она, чтобы не выглядеть холодной по отношению к сыну мачехи своего мужа.

— Это маловероятно, — госпожа Лю многозначительно улыбнулась. — Муж сказал, что время, когда он решил ограбить ваш дом, сестрица, слишком точно совпало со временем восстания. Как такое может быть? Во дворце и в столице хаос, и ваш младший брат приходит сюда, чтобы ограбить или убить вас?

Минлань некоторое время молча смотрела на госпожу Лю, ее сердце прояснилось, догадки были верны, но требовалось закончить пьесу, и она сказала тихим голосом:

— Спасибо, сестра, вы спасли нас,, хоу и господин Лю близки, как братья, я надеюсь, что и мы тоже будем близки. Мы действительно верили не тем людям...

Госпожа Лю подумала, что это неплохая мысль, она улыбнулась и продолжила пить чай.

На самом деле, по оценке Лю Чженцзе, у Гу Тинвея было много друзей, поэтому он, вероятно, просто узнал о восстании, но никогда не присоединился к нему, и просто решил воспользоваться моментом. Внезапное для многих восстание, но Гу Тинвей не успел принять дополнительные меры, чтобы обезопасить себя, поэтому ему пришлось лично выйти, чтобы привести бандитов в нужное место и напасть на поместье хоу.

Строго говоря, можно считать Гу Тинвея виновным только в убийствах и поджоге, причинении вреда его невестке и племяннику, а не в измене и мятеже, и преступление это было не такое серьезное, как преступление в случае конфликта родителей и детей. Но разве всё в самом деле настолько просто?.. Лю Чженцзе является главой секретной службы, а не Цинтянь Ямэнь.

Кроме того, несмотря на уровень ответственности, Лю Чженцзе не заметил заранее ненормального поведения родной семьи наложницы Жун и сам не узнал о восстании Тэн Ангоу. Думая об этом, госпожа Лю становилась все более и более внимательной к Минлань, отвечая на каждый её вопрос.

— Третий брат... Сейчас сбежал из города?.. — нерешительно спросила Минлань.

— Многие предатели сбежали вместе, — кивнула госпожа Лю. — Муж сказал, они не могли уйти далеко. Более того, дом Гу Тинвея сейчас находится под наблюдением, увы, мне жаль его семью...

Жизнь женщины зависит от мужчины, и, даже имея богатства, очень сложно выжить одной.

Минлань усмехнулась в душе, эта старая ведьма не жалкая женщина, она, вероятно, главная виновница в этом деле, Гу Тинвей всего лишь глупец на побегушках у своей матери, но госпожа Чжу... она так смотрела в будущее...

Они сидели друг напротив друга и вместе вздыхали по разным причинам.

Спустя долгое время Минлань смутно вспомнила, что было еще кое-что неясное.

— ...О, кстати, семья Чжэн вчера сообщила, что их пожилой господин и госпожа ушли... Сестра, ты знаешь, что случилось?

Она просто спросила и не ожидала, что ей ответят, но госпожа Лю вздохнула и сказала с кривой улыбкой:

— Это действительно необоснованная катастрофа. В день инцидента снаружи ходило много слухов о том, что генерал Чжэн был мятежником. Пожилая госпожа Чжэн всегда была верной и честной. И пожилой господин тоже. Он был так зол, что закашлялся, и не смог выплюнуть мокроту... Он умер на месте. Пожилая госпожа грустила и плакала в течение двух дней и несколько раз теряла сознание... Неожиданно генерал Чжэн примчался вчера рано утром

домой и объяснил происходящее. Она была так счастлива, что не смогла дышать, и... последовала... за мужем...

Минлань приоткрыла рот наполовину, она была в шоке и не могла себя контролировать.

Старик очень рассердился, а старуха умерла от счастья, старики действительно не смогли этого вынести. В этой битве генерал Чжэн потерял своих родителей, однако полностью превратился из доверенного лица родственников императора в доверенное лицо самого императора.

... Ну что за чертова карьера! Жизнь это борьба!

Визит госпожи Лю был подобен своевременному дождю, который не только рассеял сомнения, но и успокоил сердце.

Старшая служанка Цуй в последнее время слишком много думала: все тело Минлань ослабло, ноги распухли, как булочки на пару, лицо выглядело так, будто ей дважды дали пощечину, на шее выступали тонкие вены, как будто в горле что-то застряло.

Прикоснувшись к торчащим костям, старшая служанка Цуй вздохнула — через столько лет хорошего кормления она в одночасье вернулась в состояние той маленькой болезненной девочки.

Минлань с извиняющимся видом потеряла живот, вспомнив, что когда брат Туань был в её животе, она была полной, и он родился большим здоровым ребёнком, полным энергии. На этот же раз она сильно похудела, однако... Трогая живот, она всё ещё ощущала сильные и мощные движения ребёнка. Медленные, но очень регулярные, как расхаживает восьмидесятилетний дедушка. Она улыбнулась:

— Этот ребенок определенно будет сильным человеком в будущем.

Старшая служанка Цуй не ответила, она смотрела на живот Минлань и считала дни на пальцах.

На самом деле Минлань уже подошла к сроку, но все повитухи говорили, что живот ещё не изменился, плод еще не опустился. Пригласив лекаря Чжана, они услышали, что это займет около семи или восьми дней, самое большее десять-одиннадцать дней, однако, может быть, что это случится и на следующий день — иными словами, никто не знал, когда случатся роды, хотя срок уже подошёл.

Небольшая задержка в родах — нормальное явление, и Минлань не беспокоилась и не торопилась, она просто отдыхала и со спокойной душой растила ребенка, слушалась указаний старшей служанки Цуй и изо всех сил старалась есть и спать, как положено.

После того как военное положение было снято, родственники и друзья из всех слоев общества один за другим пришли в гости к Минлань, кстати, они посмотрели на ворота и каменные ступени, которые все еще были залиты темно-красной кровью и маслом, и были в ужасе. Первым, кто пришёл к ней, был Шен Хун.

Минлань была потрясена, и Шен Хун тоже был потрясен. С тех пор, как его младшая дочь вошла в Зал Шоу'ань, она много лет была толстой и упитанной, а затем в меру упитанной, и вдруг она выглядела иссохшей и худой, хотя была беременна. Он не мог не сказать:

— Не зря я говорила, что выходить замуж за военного плохая идея! Это не так хорошо, как выйти за учёного. Но твоя мать была слишком счастлива, получив это предложение, и увлеклась, поэтому нам пришлось согласиться...

— Когда папа это говорил? — Минлань была ошеломлена. Почему она никогда об этом не слышала?

Шен Хун, казалось, заметил оговорку, слегка кашлянул и пробормотал:

— ...В начале... когда приходили к Жулань... кха-кха... когда мы говорили о её тайных прогулках...

Минлань вдруг поняла — это произошло когда Гу Тинье пришел к семье Шен, чтобы обмануть их... о нет, конечно же, когда он предложил брак.

Подумав об этом, она снова покосилась на Шен Хуна и подумала:

«На самом деле, ты тоже был очень счастлив в то время, ты просто более сдержанный, чем Ван Ши, когда дело касается выгоды».

Время летела как стрела, в мгновение ока Туань уже научился более-менее внятно говорить, Шен Хун поседел, Минлань почувствовала, что стоит забыть эти обиды и улыбнулась. Распрощавшись с Шен Хуном, она задумалась.

Что ж, хотя этот «первоклассный» отец и ненадежен во многом, он не так уж и плох. Хотя однажды он забыл свою родную мать ради своей новой семьи, законную жену ради любовницы, а потом и свою «настоящую любовь» ради своего будущего... Однако на это ушло более десяти лет, и он, кажется, смог стать более осмотрительным.

Утром она проводила отца, а днём пришла его первая дочь.

Зять Юань лично сопровождал ее, и Хуалань, которая ещё не выглядела беременной, грациозно вошла в комнату. Ее глаза покраснели, когда она увидела Минлань, и она схватилась за дверной косяк и заплакала:

— Ты беспечная маленькая девчонка, почему ты так выглядишь? Если бы бабушка это увидела, она бы так огорчилась!

Минлань покачнулся, чуть не упав с кровати. Такого кокетливого и плаксивого поведения у старшей сестры она никогда не видела, даже когда она была подростком.

С тех пор, как забеременела этим ребенком, Хуалань внезапно стала сентиментальной, задыхалась, когда видела, как увядают цветы, проливала слезы, когда птенцы покидали гнездо, и чувствовала грусть, когда ветер уносил несколько опавших листьев. Куда привычней было, когда она была самодовольная и забавная.

— Разве старший зять не занят делами? — Минлань была озадачена.

— Я хотела зайти к тебе, он волновался, поэтому попросил у своего начальства отгул на полдня, — надулась Хуалань.

— Ты!.. В столице не хватает людей... Ты... Ты... — Минлань была убита горем. — Ты могла бы и потерпеть!

Говоря об этом инциденте, многим не повезло, но повезло зятю Юаню.

У него высокий официальный военный пост, но он был неподкупен.

Вернувшись домой, он вдруг услышал, что Хуалань беременна. Зять Юань был ошарашен и отказывался уходить, поэтому спрятался дома с женой во время столичных беспорядков.

Повезло и мужу Молань, который ничуть не пострадал, а повел свою семью на помощь соседям и помог им отбиться от воров, которые воспользовались пожаром, и с тех пор больше не выходил.

— Твой зять сказал, что четвертый зять боится выходить, — Хуалань медленно оторвалась от поедания засахаренных рисовых клецок. — О, если Молань разумна, она воспользуется шансом и хорошо проведёт с ним время, и в будущем у нее все будет неплохо.

Поболтав, Хуалань сказала Минлань, чтобы она хорошо позаботилась о себе и ребенке, и вернулась домой, довольная.

В следующие два дня госпожа Сюань, госпожа Ди и даже Кан Юнь'эр также приезжали в гости, но никто не упомянул пожилую госпожу Цинь; также у неё собрались госпожа Ген, Чжун и Дуань, и каждая из них принесла большой мешок морских ушек, и женьшень. Они были благодарны за то, что Минлань не забыла о них, когда начался хаос и послала предупреждение.

Среди них госпожа Ген была особенно взволнована, дёргая Минлань за рукав и неоднократно повторяя:

— Молодая девушка надежна, в следующий раз я обязательно поверю в то, что она говорит, иначе я бы не пострадала так сильно!

Госпожа Чжун фальшиво кашлянула и легонько ткнула её в руку:

— Какой следующий раз? С этого момента в мире будет мир.

Госпожа Ген знала, что оговорилась, но отказывалась признавать поражение:

— Просто у тебя много глаз, я говорю о другом, о ремонте особняка, лечении людей вещами, и отныне во всём доверяю своей сестре.

Увидев их двоих такими, госпожа Дуань покачала головой, улыбнулась и сказала:

— Вы двое, вы двое так много страдали вместе, и бесконечно спорили. Когда вы станете бабушками в будущем, я думаю, вы будете ссориться ещё больше.

Минлань позабавило то, что она услышала, и все четверо вместе рассмеялись — что же касается того, какие страдания они испытали во дворце за последние несколько дней, никто из них троих ничего не сказал.

На девятый день после инцидента Лю Чженцзе окончательно очистил всю столицу, даже от шлаков, прятавшихся по углам площади, их либо убили, либо взяли в плен, но большинство из них было изгнано из города, и генерал Чжэн, устроивший засаду снаружи городских ворот, погнал их на восток.

Повстанцы подумали, что стражникам столицы не так просто уйти надолго, поэтому воссоединились с разрозненным бандитами, считавшимися предателем, на склоне тридцати холмов и решили отдохнуть. Их было всего около тысячи человек. Генерал Чжэн воспользовался этим и, окружив их, уничтожил. В одно мгновение пламя и стрелы заполнили небо, и было море крови.

Небо было тусклое, а Минлань сидела за обеденным столом и неторопливо пила куриный суп.

Минлань почувствовала сонливость из-за того, что слишком много спала в течение дня, поэтому она потрясла своим большим веером из рогоза и села на крыльцо, глядя на огромные звезды. У растений вокруг был простой аромат, и запах проникал в нос, и светлячки порхали под карнизом, и мотыльки хлопали крыльями, ударяясь о фонарики, и издавали звук, словно кто-то рядом переворачивал страницу книги.

Сонливость постепенно нарастала, и как раз когда она собиралась встать и идти обратно в дом, Минлань вдруг услышала шум в саду, голоса, которые, казалось, были приятно удивлены, и, прежде чем она успела среагировать, увидела высокую, темную фигуру, стоящую на другом конце двора.

Человек остановился, а затем подошел шаг за шагом, на его плечах был надет потёртый тёмно-красный плащ, чьи застёжки были выполнены в виде морды тигра, оскалившего пасть.

Сквозь пышные ветки и листья редкий лунный свет падал на лицо мужчины. Большую часть лица закрывала густая борода, и только пара темных глаз была яркой, как раньше.

Минлань почувствовала, что у нее пересохло в горле, сердце бешено колотилось, а ладонь, держащая ручку веера, стала липкой. Она думала об этом так долго, что забыла о своем первоначальном намерении. Сяотао и Люйчжи что-то говорили ей, а она просто стояла неподвижно, пристально глядя на него.

Гу Тинье медленно приблизился.

— Я... Я вернулся, — хриплым голосом произнёс он.

Словно где-то вдалеке бил барабан, его голос звучал тихо и слабо. В благоухающем и прохладном дворе было слышно порхание мотыльков, звук капель росы, капающей с кончиков листьев, Минлань казалось, будто она оглохла. Она не понимала, во сне она или наяву.

Может быть, она только что была в коридоре и заснула, и в этот момент это всего лишь сон...

Гу Тинье шагнул вперед и крепко обнял ее, запах крови и пыли ударил ей в лицо, а боль в плечах и руках заставила ее проснуться. Она коснулась его лица в оцепенении:

— О, ты вернулся.

Как будто что-то мешало ей говорить, она могла бы сказать тысячу слов, но в данный момент она ничего не могла сказать.

Гу Тинье долго обнимал ее, держа ее лицо в своих руках:

— Ты хочешь мне что-то сказать?

— Вы выиграли битву?

— Мы победили, — усмехнувшись, ответил Гу Тинье. — Я возглавил отряд всадников и

поспешил обратно в ту же ночь. Старый Чжан все еще где-то позади.

Минлань хотелось смеяться, но также хотелось и плакать, она просто оставалась на месте, как ученица начальной школы, которую внезапно окликнул учитель, с ошеломленным выражением лица.

Гу Тинье обнял ее и сел на крыльцо, погладил ее иссохшие, желтые и потрескавшиеся волосы и с жалостью сказал:

— ...ты некрасивая.

Минлань сразу же проснулась окончательно и сильно ударила его по плечу.

— Ты похож на призрака!

Полгода жизни под открытым небом, бесконечные сражения и езда на лошади в течение нескольких дней и ночей — борода у него тоже была редкая, он выглядел изможденным, его скулы были резко очерчены, глаза ввалились. У него был смоляно-черный цвет кожи и свирепое выражение лица. Злой призрак был немного похож на неё — он был точно такой же, как тощая и бледная Минлань.

Пара сидела напротив друг друга, они так много хотели сказать, но какое-то время не могли выдать из себя ни слова.

Гу Тинье снова и снова рассматривал Минлань, переводя взгляд с лица, на тело и на огромный живот:

— ...Я действительно боюсь...

Он боялся, что с ней случится что-то плохое, боялся, что она заболеет, боялся, что она будет волноваться...

— Я же говорил, чтобы вы не беспокоились.

Ложью было бы сказать, что всё прекрасно, но что она могла сделать? Упрекать? Это было бессмысленно.

— Вы были правы, что не сказали мне, — сказала она. — Вы слышали о генерале Чжэне?

— Жаль. Брат Чжэн самый почтительный, — вздохнул Гу Тинье. — Он вывел войска из города, чтобы устроить засаду.

Минлань некоторое время молчала, а затем сказала:

— Если правитель не будет хранить секреты, он потеряет страну. Если министры не будут хранить секреты, они потеряют свою жизнь. Я понимаю это.

Что касается близости, отец и сын семьи Чжэн являлись близкими родственниками, они были почтительны друг к другу и любили друг друга, и знали друг друга на протяжении десятилетий. Тем не менее, то, что произошло, произошло.

«Как семья, все, что мы можем сделать, это доверять друг другу и быть сильными».

— Кроме того, госпожа Бо однажды сказала, что если ты член семьи военного и муж погиб в бою, всё, что ты можешь сделать, это не искать его и просто вырастить вашего ребёнка, — добавила Минлань.

Гу Тинье без колебаний кивнул:

— Это правда. Но... — он не мог не сказать. — Не учись у госпожи Бо всему.

— Почему это?

Она чувствовала, что госпожа Бо была странной женщиной для своего поколения, и она могла чудесным образом избежать любого бедствия.

— У старого Бо не было семьи, когда он был молод. Это совпадение, что он был знаком с семьёй, которая хорошо к нему относилась. Поэтому, когда Бо попросил жениться на дочери этой семьи, ему было трудно отказать. Но девушка не была счастлива, и она каждый день ждала, что станет вдовой. Тогда она смогла бы повторно выйти замуж. Этот старый красавец сказал, что он будет жить дольше, чем его жена!

Минлань рассмеялась, когда услышала это:

— Чепуха, я слышала, что господин Бо также является сыном известной семьи, но его семья живёт в глуши.

— Успешные люди всегда имеют всевозможные замечательные предположения о своем карьерном росте, — с улыбкой сказал Гу Тинье. — Не слушай эту чепуху! Он даже сменил имя, когда вступил на службу.

— Тогда, каково настоящее имя Бо?

— Я слышал, как старик сказал это ещё, когда я был молод, кажется, там было слово «собака», но я не знаю, вторая ли это собака, оставшаяся собака, или собачье яйцо, или что-то в этом роде... — сказал Гу Тинье.

Минлань улыбнулась и, наклонившись, обняла его и погладила по голове.

Через некоторое время тишины из боковой комнаты донесся детский плач, и супруги пришли в себя. Минлань коснулся головы золотого тигра на плече мужа и с улыбкой сказала:

— Ты сначала переоденься, а потом иди к нему.

— Не переоденусь. Главнокомандующим не разрешается входить в столицу без приказа. Я проник в город тайком. Сначала обниму моего сына. Мне нужно спешить обратно...

Минлань не слышала слов за спиной, она только чувствовала, как гудит в ушах, и через некоторое время она закричала:

— Ты вошел в город тайно! Ты, ты, ты... Что-то с тобой не так! Подумал бы о своей жене и детях! Ты мог попросить кого-нибудь сказать нам, что возвращаешься! Зачем заходить самому! Это же преступление! Тебя некому будет прикрыть! Ты большой дурак! Ты еще посмотри на меня, на что ты смотришь...

Гу Тинье рассмеялся, в это время вышла старшая служанка Цуй с ребёнком на руках, Гу Тинье поднял маленького толстяка, поцеловал его несколько раз, потом вернул ей, повернулся и ушёл.

Минлань была в ярости, изо всех сил бросила веер, топнула ногой и выругалась:

— Ты большой дурак! Я не стану отправлять еду тебе в тюрьму!

Ответом была серия громкого смеха, который доносился из двора снаружи, смех был ярким и живым, как будто в эту тихую ночь уже расцвела весна.

Минлань долго сердилась, и вдруг почувствовала, что у нее руки на бедрах, живот выпячен, и она кричит, как скандальная деревенская баба.

Рассказ о возвращении Гу Тинье ночью распространился по всему поместью хоу еще до рассвета. Слуги, служанки, домоправительницы и распорядители вдруг словно окрепли, и все были полны энергии.

Минлань была довольно ленивой, ее тело было тяжелым, и она не могла поднять себе настроение.

В полдень министр вышел из города, чтобы лично отдать приказ, и пять сотен легкой кавалерии, подавив мятеж, смогли войти в город в установленном порядке.

За то, что он не сбрил бороды, хотя и ехал впереди, девушки и невестки по всей улице игнорировали его и все приветствовали идущих позади него красивых молодых людей с их кошельками и цветами.

Даже старый Ген получил несколько, и он хорошо проводил время, когда он увидел в толпе блестящие глаза своего управляющего, он испугался до холодного пота, слез с лошади перед дворцовыми воротами и поспешно набил все пойманные подарки в седельные сумки лейтенанта рядом с ним.

Когда Гу Тинье возвращался домой из дворца уже было темно.

Как только он слез с лошади и взял её под уздцы, управляющий Хао бросился вперёд:

— Хоу, быстро входите! Госпожа вот-вот родит!

У Гу Тинье сжалось сердце, он пинком открыл двери, снова вскочил на лошадь и поскакал прямо до покоев.

Однако вокруг главной резиденции находились люди, каждый тянул шею в ожидании новостей, внутри Цуйвей высыпала посторонних, лишь несколько женщин и служанок приносили туда и обратно горячую воду, белую ткань...

Гу Тинье хотел зайти в дом посмотреть, но его остановила группа старших служанок во дворе, сообщив, что это табу. Однако он всё равно хотел пробраться внутрь, и увидел у одного из кустов молодого человека. Он подошёл, схватил его и закричал:

— Ты! Что ты здесь делаешь?! Эм... Что ты держишь в руке?

Ши Цян держал в руках табурет, он спрятал его и на мгновение остоленел, а затем нашёлся:

— Хе-хе... хе-хе, это... о, я боялся, что хоу устанет, так что я принес вам табуретку, на которой можно сидеть!

На самом деле это было не так, но Гу Тинье очень восхищался его сообразительностью.

Неожиданно Гу Цюань, стоявший рядом, рассмеялся:

— Брат Ши, не обманывай людей, это для сестры Сяотао!

Лицо Ши Цяна было лихорадочно-красным, к счастью, он был темным и незаметным; лицо Цюаня было напряженным, и он ждал, чтобы его отругали, но Гу Тинье оглядел его с ног до головы, затем похлопал по плечу, улыбнулся и сказал:

— Ты знаешь, что любит твоя будущая жена...

Прежде чем он успел осчастливиться, Гу Тинье вдруг добавил еще одно предложение:

— Если госпожа родит через час, я устрою вашу свадьбу в этом году, через два часа это будет в следующем году, а через три часа это произойдет... Может быть через год. Додумай сам.

Ши Цян был ошеломлен. Он вспомнил, что когда его невестка родила свою маленькую дочь, на это ушли целые день и ночь. Всего через два часа это, это... у-у, это ужасно. Ему придётся ждать жену семь или восемь лет!

Видя, что юноша испуган, лицо его бледно, Гу Тинье испытал удовольствие — ему стало гораздо легче.

В комнате непрерывно раздавались низкие крики боли, а бородатый, заложив руки за спину, ходил кругами по двору, заставляя Ши Цяна нервничать. Вскоре из дома раздался тихий плач младенца, и старшая служанка Цуй вышла, вытирая руки и улыбаясь во все лицо:

— Ребёнок родился! Госпожа родила сына! Еще один мальчик!

Ши Цян крепко обнял табуретку, чуть ли не плача от радости, старшая служанка Цуй странно посмотрела на него и подумала, что этот ребенок взволнован больше, чем члены семьи.

Младенец был розовый и нежный, и не боялся быть на руках у отца, который выглядел как разбойник. Он спокойно взглянул на бороду, и спокойно склонил голову, задремав. Когда он родился, семья воссоединились, поэтому его называли «А Юань».

Гу Тинье он очень нравился. Одно время он хвалил сына за его тонкие пальцы, и говорил, что он должен быть человеком, умеющим читать, а в другой раз говорил, что он пойдёт в мать, и обязательно будет красавчиком в будущем. И завоюет титул самого красивого мужчины столицы! Ха-ха-ха-ха...

Минлань так устала, что хотела только отдыхать. Услышав это, она сердито закатила глаза и стукнулась головой о подушку. В настоящее время титул самого красивого мужчины столицы

всё ещё принадлежал Ци Хену несмотря на то, что он был давно женат.

Гу Тинье слегка поправил подушку, с улыбкой сел в изголовье кровати, поцеловал жену, а затем сына, сердце его наполнилось радостью, и вдруг вздохнул:

— Если император прямо сейчас попросит меня стать чиновником, Я обязательно соглашусь.

В следующие несколько дней Гу Тинье был так занят, что даже не мог видеть свою жену и детей в бодрствующем состоянии.

Большая часть армии всё ещё находилась снаружи, не говоря уже о том, сколько повстанцев все еще прячется, сколько преступников скрылось, и что делать с вдовствующей императрицей Шен Де, наложницей Жун и её сыном... Необходимо было обсудить арест остатков предателей, обыскать их дома, арестовывать, допрашивать... Осуждение преступников, защита столицы и так далее, везде был большой бардак. У Гу Тинье даже не было времени, чтобы сбрить бороду.

После трех-четырех дней такой жизни, на пятый день, император, наконец осознал, что у него есть совесть и отпустил генерала Чжэна домой на похороны, а другим важным чиновникам также дали полдня выходных, и они уходили по очереди.

После того как семья Чжэн устроила траурный зал, двое бедных сыновей не могли стоять на страже перед умершими отцом и матерью. Хотя у старшего сына было много детей, что, по крайней мере, поддерживало сцену — на самом деле, даже если бы не было детей, чтобы почтить умерших, людей, которые поклонялись им каждый день, было нескончаемое число.

После того как госпожа Сюань пошла туда, она живо рассказала Минлань обо всём. В конце концов, после ожесточенной битвы на склоне холма на закате тело Гу Тинвея было найдено. Говорили, что он умер после первого залпа стрел. Когда его тело было отправлено обратно в дом, пожилая госпожа Цинь тут же потеряла сознание, а когда проснулась, почти не могла пошевелиться — большая часть ее тела онемела.

— Генерал Бо очень опытен и не имеет себе равных, — Минлань не хотела говорить много слов.

Госпожа Сюань улыбнулась и больше ничего не сказала. На самом деле, по ее мнению, число знатных членов семьи, которые пришли навестить Минлань, не сильно уступает числу тех, кто отправился в семью Чжэн, чтобы поклониться умершим. Видно было, что члены семьи Гу Тинье находятся в достатке, а Гу Тинвей осмелился пригласить бандитов в поместье хоу, чтобы убивать и поджигать. Это безумие!

На следующий день, наконец пришла очередь Гу Тинье идти на отдых, поэтому в полдень они с Минлань пообедали вместе.

— Кстати говоря, это вообще-то моя первая трапеза с тобой после возвращения, — грустно

вздыхнул он, когда уже почти наелся, откладывая палочки для еды.

Минлань посмотрела на него, бороду он всё ещё не сбрил, и спросила:

— Когда ты пойдешь сбрить бороду?

— Ты ела в одиночестве, пока меня не было? — грустно продолжил он.

— У тебя на бороде суп? Хочешь полотенце?

Гу Тинье рассердился и уставился на неё.

— Ты что, не можешь нормально говорить?!

— Ладно, ладно, я сказала то, что сказала... что я не так сказала? — Минлань прикусила палочки для еды и задумалась. — У меня был большой живот, и мне нельзя было выходить. Я пила, ела и смотрела представления. Я не могла сходить в гости или в храм. Я смотрела учетные книги и заботилась о детях день за днём, о чём тут говорить? Ты полгода был в походе, неужели там было менее увлекательно, чем в доме? Домашние мелочи не стоят внимания. Если ты расскажешь мне о походе, я выслушаю.

По какой-то причине эта фраза была как гильотина, лишившая Гу Тинье интереса к разговору. Гу Тинье долго молчал, прежде чем решительно сказал:

— Есть кое-что, что я должен был сказать тебе давным-давно. Чан... Маньнян... — он сделал паузу. — Их нашла наша армия.

Минлань с трудом проглотила рис.

— Тогда, что случилось дальше?

Этот парень действительно отвратительный, он сказал половину, а другую половину не озвучил. Ему крайне не хватало базовых навыков рассказывания историй.

Гу Тинье собирался заговорить, когда снаружи раздался уважительный голос Гу Цюаня:

— Сообщаю хоу, господин Ген прибыл и ждет вас во внешнем дворе.

Император дал полдня отдыха не просто так, и одна из важных причин — отправиться в дом семьи Чжэн, чтобы поклониться умершим, поэтому Гу и Ген, взяв отпуск в один и тот же день, договорились о встрече, чтобы пойти вместе.

Гу Тинье задумался на некоторое время, посмотрел на Минлань и сказал:

— Нехорошо просить старого Гена подождать, его дома тоже ждет много дел. Раньше пойдем, раньше вернемся. Позови Жун вечером сюда, мы поужинаем вместе.

— О, ну тогда, — Минлань опустила голову и неохотно надула губы, чтобы показаться недовольной и обиженной. Ей на самом деле хотелось узнать, что там с этой Маньян.

Гу Тинье встал, поправил одежду, обернулся и увидел ее потерянный вид, насмешливо потрогал ее уши:

— Ничего серьезного, это не имеет никакого отношения к нашей жизни. Если ты хочешь, я могу попросить Се Ана рассказать тебе.

Минлань на мгновение заколебалась, затем энергично кивнула. Бог знает, когда он вернется, неужели он заставит ее изнывать от любопытства весь день? Если он готов позволить постороннему говорить о семейных делах, она, конечно, готова послушать!

После того как Гу Тинье ушел, Сячжу и Сяотао вместе убрали обеденный стол и заменили его наполовину изношенным столом Кан Жуйи из водяного каштана. Сяхе принесла несколько горячих подушек снаружи и сунула их за спину Минлань. Было тепло и удобно, поэтому она приказала двум женщинам передвинуть двойную ширму «Восемь бессмертных, пересекающих море» и поставить ее посреди комнаты.

Служанки закончили прибираться, Люйчжи сходила к личной охране Гу хоу, и привела их командира, Се Ана.

Се Ан много лет следовал за Гу Тинье и повидал немало сражений не на жизнь, а на смерть, но сейчас, приветствуя Минлань, он покраснел, заломил руки, как младшая невестка, только что вышедшая замуж. Он остановился перед ширмой, и Люйчжи пододвинула ему табуретку. Высокий и крупный молодой человек осмелился присесть только наполовину, не говоря уже о том, как деликатна и сдержанна была его поза.

— Брат Се, не сдерживайся, ты был с хоу так много лет, ты так же близок нам, как наши родственники, — Минлань изо всех сил старалась смягчить свой голос, пытаясь заставить его расслабиться.

— Нет, я не смею... Младший родственник, как я посмею? — Се Ан не смел поднять голову, очевидно, он ничего не видел через экран, но он смотрел на свои пальцы ног и не смел пошевелиться.

— Хоу сказал мне, что через два года я найду для тебя хорошую невесту, и ты сможешь создать семью и начать официальную карьеру, — продолжила Минлань.

— Нет, нет, в этом нет необходимости... Моя мать сказала мне, чтобы я остался с хоу еще на несколько лет... Теперь все в порядке, все в порядке, — Се Ан говорил это, мысленно жалуясь на ситуацию. Зачем хоу дал ему подобное поручение? Главная жена и бывшая наложница — какая неловкая тема!

Минлань сказала ещё несколько слов тихим голосом, и видя, что Се Ан всё ещё отвечал застенчиво, она, наконец, обескуражилась и сказала:

— Хоу очень занят, поэтому он попросил тебя рассказать мне всё. Просто рассказывай.

— Говорить? Ах! О... Это важно... — Глаза Се Аня были пусты, его разум был в беспорядке. — Это... с чего мне начать...

— Давайте начнем с того момента, когда вы увидели Маньнян, — спокойно произнесла Минлань. — Хоу сказал, что ты первым обнаружил мать и ребёнка.

— Это не было обнаружение, это действительно... — Се Ан вздохнул. Он сделал паузу, как будто думал, как бы это сформулировать. — Это было вскоре после восстановления города Силяо. После кровавой битвы, где мы одержали большую победу. У нас тоже были жертвы. Я уже не слишком молод, поэтому я отправился в город Силяо, чтобы отдохнуть. В тот день ко мне внезапно пришел генерал Бо из лагеря Шэньцзянь и сказал, что когда он помогал людям дойти до места раздачи еды, он встретил женщину, которая вела тяжелобольного ребёнка. Она утверждала, что они — люди из семьи Гу хоу.

Се Ан сглотнул слюну и хотел подсмотреть на лицо Минлань, но увидел на ширме только Лу Дунбиня, поглаживающего свою бороду и Хэ Сянгу, притворяющуюся кокетливой.

— Я был потрясен, поспешил посмотреть, кто же знал, что это была сестрица Маньнян... Э-э, я знал ее раньше, когда был в Цзянхуае...

В то время Маньнян всегда считала себя госпожой Гу, и она хотела подружиться с Че Саньян и её мужем. Она также взяла на себя инициативу приветствовать и заботиться о младших братьях, и она также уговаривала называть ее «сестрой»... Это было прошлое, но Се Ан испытал ещё большее беспокойство, чем раньше, ему нестерпимо хотелось увидеть лицо хозяйки поместья хоу.

В результате Лу Дунбинь все еще гладил свою бороду, а Хэ Сянгу продолжала флиртовать с ним.

— Я не осмелился принять решение самостоятельно, поэтому поспешил обратно и доложил хоу. Хоу побежал посмотреть и забрал их, мать и сына, ничего не сказав. Бедный Чан был серьезно болен и без сознания, — он слегка вздохнул. — Военный лагерь очень важен, в него нелегко попасть случайно, поэтому хоу отвел их в небольшой двор и позвал лекаря.

Это было не так просто рассказывать, он опустил некоторые вещи, которые доставляли ему дискомфорт.

По прибытии в маленький дворик лицо Гу Тинье было очень уродливым, он открыл рот и спросил:

— Что ты здесь делаешь?!

— Господин, я буду с тобой и в жизни, и в смерти! — расплакалась Маньян. — Даже если мы умрем, то умрем вместе! — и прочие подобные гадкие слова. Она не знала о позавчерашней большой победе, только слышала об этом по слухам и думала, что армия Чжан и Гу скрывается в городе Силяо.

К счастью, генерал Бо всех отослал, во дворе остались только Се Ан и несколько тех, кто не вернулся в лагерь.

— Жизнь и смерть идут рука об руку?! Ты словно поёшь оперу! Это так противно! — сказал один из них.

— Какого черта! Мои братья сложили головы на поле боя, немногие из нас вернутся и будут жить в богатстве и процветании, — сказал другой. — Какие сумасшедшие слова говорит эта девка! Если бы не... я забил бы ее до смерти! Мужики идут воевать, ты должна хорошо заботиться о стариках и детях дома, зачем приходить сюда, чтобы создавать проблемы?!

— Я слышал, что наш заместитель командира был в Цзянху в первые годы. Он молодой человек, романтик, и он, вероятно, влюбился в женщину, от которой теперь не может избавиться! — сказал третий.

— Посмотрите на эту суку, что она хочет? Ни щек, ни тела, она такая же старая, как моя мать, наш заместитель главнокомандующего красавчик, как он может даже смотреть на неё! — вмешался другой.

— Неужели она хочет просто хорошо лежать на диване? Какая польза от старухи!

Грязные шутки прозвучали на сцене, и все расхохотались.

Из женщин в армии есть только прачки и лагерные проститутки, и они не могут посещать их часто. Они могут только сплетничать о начальстве, чтобы избавиться от скуки в свободное время. Хотя у братьев не было никаких злых умыслов, в их тоне, естественно, была некоторая презрительность и пренебрежение. Се Ан почувствовал себя некомфортно, услышав это, и втайне смутился за Гу Тинье.

Он покачал головой и поспешно продолжил:

— ...Кто знал, что Чан серьезно болен. Будь то лекарь, сопровождающий армию, или известный лекарь в городе, увидев его, все говорили, что нет никакой надежды. В глухой местности, такой как Силяо, которая несколько раз подвергалась разорению беженцев, не хватает не только лекарств, но и еды...

С другой стороны экрана раздалось легкое «ах», и раздался четкий звук удара фарфоровой миски.

— Может быть Чан... мертв?..

— Да. Мы сожгли его тело и собрали пепел, — тихо ответил Се Ан. — Пожалуйста, попросите господина Гунсуня вернуть его и закопать в землю.

— А что насчет Маньнян? — с тревогой спросила Минлань.

Чан — единственная связь между двумя Гу и Маньнян, теперь, когда он мертв, может ли она успокоиться?

Се Ан некоторое время молчал. и сказал трудным тоном:

— Поскольку Маньнян и Чан были разлучены, — с трудом произнёс он. — Она снова и снова просила увидеть Чана.

Хотя он и бездельничал в молодости, но в целом его жизнь была открытой и яркой. Те несколько дней были для него почти кошмарами, он только надеялся, что больше никогда не придется вспоминать о них, но в этот момент он должен был подробно рассказать хозяйке.

Поначалу Маньнян плотно приставала к мужчине, но хоу вообще ее игнорировал, лишь просил кого-нибудь запереть ее в доме, накормить, напоить и одеть. Через несколько дней из столицы пришло письмо от Лю Чженцзе, и, прочитав его, хоу попросил кого-нибудь выпустить её. Как только Маньнян вышла, ей не терпелось рассказать о своей привязанности и трудностях. Хоу слушал, не говоря ни слова. Маньнян долго разговаривала сама с собой, во рту у нее пересохло и текли слезы, и она, наконец, остановилась.

Только тогда Хоу Е сказал очень спокойно:

— Закончила? Тогда позволь мне сказать тебе. Я говорил тебе в начале, если ты осмелишься снова поехать в столицу и будешь снова приставать к Минлань, то ты больше никогда не увидишь Чана. Ты помнишь, что я сказал?

Маньнян не сдавалась, она плакала и говорила:

— Ты еще упоминаешь ее?! Она вкусно ест в столице, и ее совершенно не волнует жизнь или смерть господина! Только меня, только меня это волнует, как много страданий и лишений мне предстоит увидеть. Вот ты...

Хоу проигнорировал ее и сказал:

— Я держу свое слово, отныне ты никогда больше не сможешь увидеть Чана.

Затем он развернулся и ушел.

Маньнян снова была заперта в комнате и начала плакать, требуя встречи со своим сыном. Лекарю было приказано сказать ей, что Чан уже несколько дней лечится женьшенем. Маньнян не поверила и сказала, что хоу собирается обмануть ее и сына, и она ругалась несколько дней без отдыха; когда ей надоело ругаться, она начала ныть и просить, и все плакала, плакала каждый день. Все во дворе так устали от плача, что сходили с ума...

Наконец, хоу снова вернулся, когда у него было время, и попросил отпустить Маньнян, чтобы увидеть ее.

Се Ан не мог вспомнить, что Маньнян сказала ранее, но в конце она уставилась на хоу кроваво-красными глазами, ее волосы были растрепаны, и она выглядела сумасшедшей:

— Дорогой, неужели ты действительно не любишь меня?

На самом деле, она уже охрипла от слез, но все еще держала свой высокий голос, как будто пела на сцене. В городе Сияо было очень жарко, но, услышав это предложение, Се Ан все равно не мог сдержать дрожь. ла помочь.

Это был первый раз, когда Хоу Е показал Маньнян выражение отвращения на своём лице.

— Сколько раз ты хочешь, чтобы я сказал, что я тебя ненавижу? — он вздохнул. — Я серьезно, я не испытываю к тебе привязанности. Почему ты мне не веришь, сколько бы раз я тебе ни говорил?

Се Ан, который полжизни был груб, впервые услышал в этих двух предложениях глубокую беспомощность.

Маньнян остолбенела, как будто исчерпала всю свою энергию, и осталась только пустая оболочка, она перестала плакать. Через несколько дней Чан скончался. Перед сожжением хоу попросил Маньнян взглянуть на него.

Господин Гунсунь тоже рано познакомился с Маньнян. В отличие от других, он возненавидел

Маньнян, когда впервые увидел ее, поэтому тут же начал насмехаться над ней:

— Этот ребенок не очень силен, а вы заставили его путешествовать за тысячи ли, страдая от голода, холода и жары. Болезнь вовремя не вылечили, и жизнь напрасно разменяли на смерть. Все благодаря твоей доброй матушке, малыш!

Глядя на труп сына, Маньнян глупо улыбалась и вдруг начала нести чепуху, нетто говорить, не то петь, плакать и смеяться, другие плохо слышали её, знали только, что она обнимает труп сына, и говорила, что хочет домой.

Кончики пальцев Минлань слегка дрожали, и теплое послеполуденное солнце, казалось, внезапно стало ледяным, как будто она слушала истории в Ляо Чжае, когда была ребенком. Странные и таинственные призраки вызвали ужасающий холод из влажной почвы под землей.

— Маньнян... Она... сошла с ума? — дрожащим голосом спросила она.

Се Ан кивнул, внезапно вспомнив, что госпожа не могла видеть сквозь экран, и поспешно сказал:

— Правильно. Господин Гунсунь и несколько лекарей также сказали тоже самое.

Говоря об этом, он бесконечно вздыхал.

Он происходил из уважаемой семьи с небольшим состоянием. После того, как его отец рано умер, овдовевшая мать так избаловала его, что он каждый день шалил и озорничал на базаре. Когда ему было пятнадцать лет, он попал в катастрофу и чуть не погиб. После того, как его спас Гу Тинье, он начал жить честной жизнью. Каждый день он ходил пешком, разбивал кирпичи, практиковался с ножами, луком и стрелами, даже учился писать и читать — Гу Тинье никогда не был вежливым, его много били в то время, и, наконец, он превратился в Се Ана, который сегодня заставляет овдовевшую мать гордиться им.

Гу Тинье можно назвать наполовину учителем и наполовину мастером, он вызывает у него трепет и уважение.

Вначале он тайно завидовал ему, думая, что этому старшему брату Гу повезло, что рядом с ним есть женщина, которая любит его, даже если он практически живет на улице. Но теперь...

Было кое-что, о чем он никому не сказал.

В то время по соседству жила застенчивая девушка с ярко-красной повязкой на голове, она выглядела нежной, она была тайно влюблена в Гу Тинье и часто приходила, чтобы прислать какую-то одежду, обувь и шляпы. Че Саньян чувствовала, что она хороший человек и имеет

неплохой характер, так как Гу Тинье в то время уже не любил Маньнян, она хотела дожидаться, когда он вернется, и сказать ему, чтобы он взял эту девушку в качестве своей наложницы, чтобы она могла заботиться о нем каждый день.

После того, как Маньнян узнала об этом, она не выказала никакого недовольства, но изо всех сил старалась относиться к девушке по-доброму, обвиняя себя в том, что не угодила Гу Тинье, и делала вид, что относится к ней как к собственной сестре. Однажды поздно ночью девушка зачем-то пошла в укромный переулок и над ней поиздевались трое или пятеро негодяев.

На следующий день девушка покончила жизнь самоубийством, бросившись в озеро. Красная лента для волос долго плавала по воде.

После того как Гу Тинье вернулся, никто не упомянул об этом.

Спустя долгое время Се Ан случайно узнал правду — это Маньнян обманула девушку поздно ночью.

Хотя Гу Тинье ел и спал со своими братьями, у него не было претензий к образу жизни, но его склонность к одиночеству, высокомерие, сарказм и насмешки над самим собой, привычки выдавали в нём высокое происхождение..

Братья никогда не осмеливались небрежно шутить с ним или ошибаться.

Се Ан испугался еще больше.

Он подумал, что в любом случае Гу Тинье полон решимости больше не иметь дел с Маньнян, поэтому ему следует перестать говорить слишком много, это только разозлит хоу. Он просто не знал, знали ли другие люди эту внутреннюю историю с той девушкой, в любом случае, после этого Че Саньян отказалась снова разговаривать с Маньнян.

Вздыхнув, он собирался продолжить, как вдруг услышал за спиной знакомые ровные шаги, поспешно встал и сложил руки и поклонился.

— Хоу вернулся.

Гу Тинье вошел с улыбкой, отмахнулся от экрана:

— Что ты здесь устроила?

Затем он сел рядом с Минлань, положив подбородок ей на плечо, и ласково спросил:

— Ты спала днем? Давай поговорим сейчас.

— Брат Се хорошо рассказывает истории, я была очарована этим, — рассмеялась Минлань.

— О, неужели так? — Гу Тинье, казалось, это не заботило.

Се Ан почувствовал, как с его лба капает холодный пот, как будто он снова стал подростком и его вот-вот снова побьют.

Неожиданно Гу Тинье улыбнулся Се Ану:

— Давай, вернись к себе и отдохни, завтра у нас много дел.

Се Ан сбежал, как будто собирался получить амнистию у императора.

Погода становилась все жарче, Гу Тинье бегал по улице, уже обильно вспотев, прошел в чистую комнату и торопливо помылся, переделся в чистое белое ханьфу и вышел.

Он обнял Минлань и снова сел:

— Страх вины старого Гена усилился. Когда мы вышли из поместья Чжэна, я попросил его зайти к нам на чашку чая, но он отчаянно отказался. Спешил к себе.

Минлань потерла его мокрые волосы:

— Как поживают две сестры из семьи Чжэн? Боюсь, они устали.

Бородатый муж ущипнул ее.

— Откуда я могу знать о женщинах?! — он вздохнул. — Но брат Чжэн... о... он сильно похудел, и я слышал, что его рвало кровью.

Пара вместе вздохнула.

— Где два мальчика? — Гу Тинье огляделся.

— Туань отказался ложиться спать и хотел поиграть с Жун, поэтому я попросила старшую служанку Цуй отнести его. А Юань был голоден, поэтому я попросила кормилицу забрать его.

— Раз он голоден, почему ты не покормила его? — нахмурившись, спросил Гу Тинье.

Он все еще помнил, как Минлань кормила первого сына два месяца.

— На этот раз я не могу кормить, А Юаню нечего есть, — Минлань раздраженно скрутила платок.

Гу Тинье погладил ее желтоватые волосы и виновато сказал:

— Это все моя вина, и из-за этого ты не могла хорошо отдохнуть.

— Да! В каждой семье есть неприятные родственники, но никто не может быть таким могущественным, как наш третий брат. Ненамного лучше, чем мать Жун. Я словно оказалась на распродаже, где вместо родни получила заклятых врагов.

Выражение лица Гу Тинье стало холодным, и он тихо пробормотал:

— Паршивец, о чём ты говорил?

Минлань некоторое время колебалась, а затем сказала:

— Говорил о смерти Чана, Маньнян сошла с ума, — затем она посмотрела на выражение его лица. Гу Тинье не хмурился и не смущался, он спокойно сел напротив Минлань, держал в руках чайник, выпил сначала чашку, а потом сказал:

— Вообще-то больше и говорить не о чем дальше. Но... — он поджал губы. — Позволь мне просто сказать это.

Минлань выпрямилась, показывая, что она настороже.

— В этот раз я выходил ненадолго, но смог успокоиться и подумать. Господин Чжан всегда смеялся надо мной, говоря, что раньше я думал слишком мало, а теперь думаю слишком много. В прошлом я все делал неправильно. Никто не верил тому, что я говорю; Маньнян — единственная, кто был готов верить мне и слушать то, что я говорю... кто знал, что все это притворство, — Гу Тинье рассмеялся над собой и поставил чашку.

— Маньнян прекрасная актриса, но жаль, что ей не довелось выйти на сцену, иначе она стала бы знаменитой актрисой, — Гу Тинье, казалось, говорил о незнакомце, а не о женщине, с которой он был связан целую вечность. Почти десять лет. — Когда я впервые встретил ее, я подумал, что она была лужей чистой родниковой воды, с простым умом и мягким характером. После того, как я узнал ее глубокие намерения, ее бедное происхождение, почему ее старший брат бежал за границу и даже семью Ю... Я сочувствовал ей в то время. Но оказалось, что это

лужа мутной воды, полная паутины, очень грязная. Только когда Яньхун скончалась, я понял, что она была действительно ядовитой.

«Если бы моя бабушка не согласилась из-за твоих подстав, я никогда не столкнулась бы с этим, независимо от того, ядовитая вода, мутная или чистая, ты все равно пил её с удовольствием много времени», — мысленно пожаловалась Минлань.

— На самом деле, когда я впервые узнал ее истинное лицо, я не очень ее винил. То, что она лгала мне в течение нескольких лет, то, что мешала браку с семьёй Ю, то что провоцировала Яньхун, чтобы создать проблемы... Я думал это из-за ее глубокой привязанности ко мне. Честно говоря, хотя я был зол на Маньнян только за то, что она солгала мне. В то время я все еще был немного счастлив в своем сердце. В конце концов, она не цеплялась за поместье хоу, она цеплялась за меня, она хотела стать моей законной женой и жить лишь со мной.

Минлань хотела скривить губы, но сдержалась — это мог быть не ты, а любой другой мужчина, который мог бы осуществить ее мечту, это мог быть любой способный и ответственный сын богатых родителей.

Неожиданно следующей фразой Гу Тинье стало:

— Я узнал позже. Она была глубоко влюблена вовсе не в меня, а в свою настойчивость, в свои иллюзии.

Минлань молчала.

— Хотя в то время я не особо винил ее, моему сердцу было ясно одно. Маньнян могла обманывать меня в течение нескольких лет, не показывая ни капли правды, что показывает, как она сильна. Я тут же понял, что она не может согласиться стать наложницей. Если я не женюсь на ней, если она наложница, то она точно не позволит жить спокойно моей жене. Но я никогда не думал жениться на ней. Среди различных комплиментов, которые мой отец делал мне, когда я был молод, было ожидание, что я женюсь на хорошей женщине. Но что такое хорошая жена? Старик не мог понять, но он мог привести критерии, такие как чистое семейное происхождение, хорошее поведение, мягкость, доброта, добродетель, великодушие и порядочность — было бы лучше, если бы кто-нибудь помог ему найти идеальную жену. Такую, какой была его первая.

Маленький мальчик не понял глубокого смысла этого и вспомнил это в своем маленьком сердце в оцепенении.

Гу Тинье посмотрел на Минлань и слегка улыбнулся:

— Однажды ты сказала мне: «Я выгляжу распутным, но в глубине души я самый дисциплинированный». В то время я был так зол, что хотел бросить тебя обратно в реку. Теперь, когда я думаю об этом, я думаю, это имеет смысл.

Минлань рефлекторно сжала шею и ошеломленно рассмеялась.

— Хотя робкое и слабое выражение лица это очень мило, какая дочь высокопоставленной семьи будет выглядеть так? Быть смиренной не дурно, но недостаточно образованная, чтобы относиться к другим великодушно, тоже не вариант; Маньнян хорошо разбиралась в женщинах. Она может петь и танцевать, и знает немного экономику, но у нее мало знаний, и после того, как она пожаловалась на свои обиды, после этого ей нечего было говорить.

Даже когда он считал Маньнян чистым источником, он не думал, что она может быть его женой.

Мало того, что Маньнян не смогла бы произнести такие слова, как цитаты великих людей, даже если бы она их запомнила, боюсь, она не смогла бы понять глубинный смысл. И он рассказал Минлань о том, что видел и слышал в суде и об отношениях между людьми, Минлань не только понимала все это, но и жаловалась на это.

...Он просто сочувствовал ее жизненному опыту, восхищался ее целостностью, любил ее нежность, хотел заботиться о ней, и обеспечить ей комфортную жизнь на всю оставшуюся жизнь, вот и все. В конце концов, все это было притворством.

— Ты другая, — Гу Тинье посмотрел на Минлань нежным взглядом. — Нам всегда есть о чем поговорить.

Минлань встретила с ним взглядом и тихо улыбнулась.

—...Да, у нас всегда есть бесконечные темы для разговора.

— Однако, честнее было бы сказать, что дело в том, что я всегда свысока смотрел на Маньнян, которая родилась актрисой. Маньнян, вероятно, поняла это давным-давно, поэтому она неоднократно убеждала меня бросить свою семью и стоять на своем, — Гу Тинье слегка посмеялся над собой. — В те дни, когда я надолго уезжал из дома, я скучал и расстраивался. Когда я был в отчаянии, я думал об этом. Поскольку я стал жить среди рек и озер, почему я должен смотреть свысока на других? Я просто жил с Маньнян. У нас ведь было двое детей. Но... кто знал... — он легонько потер лоб, и на тыльной стороне его ладони выступили синие вены.

— Кто знал, что Яньхун умрёт, — спокойно закончила за него Минлань.

Гу Тинье опустил руки, его глаза были полны решимости:

— ...Да. Яньхун мертва. Это также положило конец моим мыслям о Маньнян. Яньхун не хотела выходить замуж, и она не была той, на ком я хотел жениться. Всего за несколько месяцев то, что она сделала... Она определенно не была хорошей женой, и я не был хорошим мужем. Но

после того как она умерла, пока я путешествовал далеко от дома, мне до сих пор ее жалко, — он протянул руку, чтобы натянуть тонкое одеяло на Минлань. — Однажды я подумал, что если она больше не хочет жить со мной, я готов расстаться с ней и предложить ей выйти замуж снова. В любом случае, моя репутация была достаточно плохой. Но, в конце концов, я не собирался мстить ей. Даже если я отсутствовал три или пять лет, я могу в некоторой степени простить ее за то, что она сделала что-то не так, потому что она не могла вынести одиночества. Кто знал, что она всего за три месяца изменила мне, и даже забеременела... Она слишком много издевалась надо мной... — он поднял брови и усмехнулся уголком рта. — Тот, кто наставил мне рога, на самом деле был кем-то вроде Гу Тинбина. Если бы не намерение пожилой госпожи Цинь усугубить ситуацию, Яньхун смогла бы подкупить лекаря и сделать вид, что это мой ребёнок.

Конечно, пожилая госпожа Цинь не хотела, чтобы Яньхун родила ребенка, даже если это был не сын Гу Тинье. Видя, что старший ребенок вот-вот умрет, не оставив наследников, а второй ребенок сам ушёл из дома... Если от Гу Тинье бы остался законный сын, то будущее титула будет неопределённым.

Гу Тинье, казалось, чувствовал то унижение, поэтому он не мог не сказать снова:

— Неприятно говорить это, но если какой-нибудь чертов человек в Цзянху узнает, что над его братом так издевались, он убьет своего брата-прелюбодея одним ударом.

Губы Минлань слегка шевельнулись, и ей очень хотелось высказать свое мнение о том, как обращаться с обманщиками в древние времена, но она промолчала, когда вспомнила древние обычаи.

— В конце концов, мы были мужем и женой, которые поклонялись небу и земле. Без любви должна быть хотя бы праведность. В этот момент Ю Яньхун и я были безжалостны и лишены праведности. Будет она жить или умрет, мне все равно, — Гу Тинье вздохнул. — Так не должно быть... Маньнян не должно было быть.

В этом вопросе коварство, зло, дотошность и безжалостность, которые проявляла Маньнян, были далеко за пределами его воображения, как и для обычных женщин. Он просто был пьян и показал немного прощения к своему давнему последователю, а Маньнян забрала жизнь Яньхун.

Если бы он говорил обо всех этих вещах раньше, он все еще мог бы оправдать это тем, что это было вызвано увлечением Маньнян, но на этот раз он, наконец, полностью отказался от этого.

— Но даже при этом я никогда не думал о том, чтобы позволить ей умереть или о каком-либо другом плохом окончании. Ведь она была со мной все эти дни. Я не хочу ее снова видеть, но я также надеялся, что мать и сын смогут жить хорошей жизнью, полной жизнью, — его глаза горели. — Наверное, это звучит так, будто я снова влюбился в неё. Минлань, ты?..

Минлань спокойно посмотрела ему в глаза:

— Я понимаю, я понимаю.

Вопреки предположениям многих людей, он на самом деле очень ласковый человек. Из-за недостатков он умеет лелеять даже красоту в иллюзии, и он утешал себя за свою беспомощную и буйную юность.

— Чего я больше всего не понимаю в Маньнян, так это того, что как бы я ни ломал её любовь, как бы сильно я ни смущал ее, снова и снова искренне отказываясь, она как будто продолжала жить в своем собственном мире, и думала, что я все еще влюблен в неё, — Гу Тинье был немного сбит с толку. — Ей нужно сломать руки и ноги и отрезать несколько пальцев, прежде чем она поверит?

Отпустить мать и сына в Мяньчжоу было единственным шансом, который он дал Маньнян. На самом деле, он уже нашел несколько подходящих домов, в которые мог бы отдать Чана. Боль от того, что он был без матери с детства, думая, что Маньнян, должно быть, любит своего сына...

Неожиданно перед экспедицией Ши Кен и его жена рассказали ему о прошлом инциденте, и в то время он был полон решимости забрать Чана от Маньнян сразу после возвращения, но все же уже было слишком поздно.

— Маньнян похожа на бездонную яму, она никогда не найдет дна. Я знал, что она обманет людей, но кто знал, что она посмеет убивать людей? Зная, что она осмелилась убивать людей, кто знал, что она может убить даже своих родственников... Она выбросила своего старшего брата, чтобы добиться своей цели, она на самом деле делает все, и осмеливается делать всякие коварные вещи.

Если снять кожу с её тела, вероятно, ощутишь невыносимый смрад. Он был сбит с толку и не мог поверить, что эта женщина была той Маньнян, которую он когда-то любил.

Он вспомнил, что, когда он увидел Маньнян в городе Силяо, она держала деревянную палку и была направо и налево среди голодных людей. Она была так безжалостна и точна, что никто не осмеливался приблизиться к ней и Чану. Он знал ее много лет, и он всегда думал, что она больна и слаба, самое большее, чем она умеет пользоваться, это вышивальной иглой.

В то время он покрылся холодным потом, вспоминая тот год, когда Маньнян столкнулась с его беременной женой, в то время он думал, что это был акт гнева отчаявшейся женщины, которая хотела умереть вместе с ним. Думая об этом сейчас, даже если Маньнян держала Чана, она могла остаться почти целой и невредимой, но при этом непоправимо навредить Минлань.

— Мне не повезло встретить ее, ей еще более не повезло встретить меня.

Прошло время, и теперь он спокойно может написать простое объяснение для него и Маньнян.

Минлань сидела прямо, с одеревеневшей спиной, ее разум казался онемевшим, она не знала, что сказать или что делать, когда она посмотрела на бородатое и мирное лицо, ей стало немного жаль его.

— В том году я отправил Маньнян и Сана в Мянчжоу, ты обвинила меня... и была права, — с трудом произнёс он.

Минлань открыла рот, чтобы заговорить, но Гу Тинье перебил её:

— Сначала послушай меня.

У Минлань не было другого выбора, кроме как заткнуться и терпеливо слушать.

— Я не хочу ничего оправдывать. Ты сказала, что я не относился к тебе искренне. Ты права. Но я не рожден быть холодным. Я относился к другим искренне, но что случилось? — голос мужчины был низким и хриплым, как два грубых камня, трущихся друг о друга. — В конце концов, я научился. Дважды думать, прежде чем устраивать проблемы, о плюсах и минусах, хорошем и плохом. Я научился сопротивляться расчетам, а также научился вычислять других, — он несчастно улыбнулся. — Убей старого Гу Тинье, прежде чем ты сможешь жить.

Глаза Минлань постепенно стали влажными и горячими, а ее сердце болело и ныло. Благородный сын из семьи хоу, вероятно, даже не знал, сколько стоит тарелка лапши, поэтому ему было нелегко просить милостыню на жизнь.

— В то время текущая ситуация была не очень хорошей. Сколько людей жадно наблюдали за нами, ожидая, когда мы совершим ошибки. Был завербован старый Ген, был завербован брат Шень, и даже был выбран такой верный человек, как брат Дуань.... Ничто не сравнится с их любовью к императору, так что я не могу ошибаться, — он протянул ладони, чтобы обхватить руки Минлань, и сказал болезненным голосом. — Узнав, что ты и ребенок в безопасности, первое, о чем я подумал, это не беспокоиться о твоём страхе и излить свой гнев на тебя. Я так решительно замалчивал дело Маньнян, но ты была права, обвиняя меня! Но ты также относишься ко мне неискренне!

Он сильно сжал кулак, костяшки пальцев побледнели.

— Когда твоя бабушка попала в беду, ты встала на колени перед её кроватью, так грустно плача, и изливала свое сердце и душу. Чтобы добиться справедливости для старушки, ты готова была отказаться от всего, жизни и смерти, богатства. И десять тысяч смертей не заставили бы тебя повернуть назад! Я был словно во сне. Проснувшись, я осознал, что я прошел столько дорог, узнал столько всего, пережил приобретения и потери, но забыл самое главное... забыл как относиться к людям искренне...

Его голос был почти хриплым, как будто он рвал старый пергамент. В нём слышались слёзы. В небе словно открылась трещина, и внезапно появился свет. Судьба никогда не была для него

гладкой, он преодолевал ухабы и шел через приключения, а когда оглядывается назад, то обнаруживает, что драгоценное прошлое было потеряно.

Минлань поперхнулась и сжала кулак левой руки.

— Я ограничен. Твоя работа трудна, но ты умеешь вести себя и вести дела. При дворе ты ведёшь себя порядочно, так что мне все льстят и поддерживают меня. Это не потому, что я умен, не потому, что я популярен, и не потому, что я хоу

Слезы потекли по их рукам, которые они сцепили, горячие и мокрые.

— Ты защищал меня до и после, и ты не хочешь, чтобы я испытала небольшую обиду, — попыталась утешить его Минлань. — Кто бы в столице тебе не позавидовал! Это я недовольна, это я... — Минлань закусила губу. — Я боюсь! Я боюсь, что однажды я тебе разонравлюсь, так что мне делать? Мне вовсе не нравится постоянно заботиться обо всём, я просто не хочу страдать! Я боюсь, что когда настанет этот ужасный день, я буду убита горем.

Она, наконец, горько заплакала, и тайные мысли, которые она долго терпела, вдруг открылись... Причина всего была в том, что она была так слаба, так эгоистична и так стыдилась себя.

— Вообще-то, я давно знала о твоих намерениях. Ты хорошо ко мне относишься. Тебе нужна не просто жена, которая может вести семью и иметь детей. Ты искренне меня любишь, уважаешь и делаешь счастливой, я живу беззаботно... а я только делаю вид, что не понимаю! Потому что боюсь, боюсь...

Гу Тинье неуклюже вытер ее слезы рукавом.

— Ты... не плачь, ты не можешь плакать вот так...

Говоря это, он сам уронил еще одну большую слезу.

Минлань заплакала еще сильнее.

Они обнимали друг друга, голова к голове, тело к телу, слезы продолжали литься необъяснимым образом, пропитывая юбку и рукава, они были как два обиженных ребенка, утешали и согревали друг друга.

Все они рано повзрослели и потеряли всякий энтузиазм из-за суровой реальности, они научились в своей жизни всевозможным способам притворяться, они были бдительны и остерегались людей и вещей, они были осторожны и отказывались легко верить.

Только когда ты проходишь через холмы и горы, испытываешь подозрения и грусть, будешь колебаться и сделаешь длинный крюк, ты поймёшь, что то, что ты хочешь, на самом деле было близко.

...Это был последний раз, когда Маньяня появлялась в их разговоре, в их жизни.

<http://tl.rulate.ru/book/5280/1876498>